

Оглавление

Первая часть

9

Вторая часть

115

Благодарности

221

Наверху был ветер, вдруг ударило резким порывом.
Она потянулась к нему, чтоб заслонить, спасти...

Юрий Трифонов. *“Другая жизнь”*

Ни в одной науке, если это считать наукой,
не было такого количества жуликов.

А как вы думаете, отчего?

Там же

Первая часть

1

Теперь Наде иногда кажется, что окружающее “шумит”, рассыпается на отдельные пиксели. Фразы делятся на слова, слова дробятся на слоги: Бе, Ри, Бу...

Нужно остановиться и пару секунд переждать.

Наде жаль, что с каждым днём это напоминание реже и реже. Надя подозревает, что очень скоро мир снова застынет в своей немой незыблемой форме, покроется коркой... и ей заранее грустно.

— Бери бумажку и ручку. Неважно, фломастер. Надя встаёт у Ируна за спиной. Когда та пробует обернуться, Надя слегка придерживает её голову за виски. Ладони у Нади тёплые, а подушечки пальцев — прохладные.

Ирун — подруга с четвёртого класса. В институт они поступали вместе. Родили одна за другой. И живут до сих пор по соседству, на улице Удальцова. Сейчас им под тридцать, но обе чувствуют себя гораздо моложе. Наде — той вообще можно дать двадцать два - двадцать три. Только в последние дни она осунулась от волнений и недосыпа.

Когда Ирун и Надя вдвоём, иногда им не верится, что в соседней комнате взрослые дети — Надиной Анечке девять, Иркин Глеб на год старше. Смешно.

— Нарисуй меня... Нет, не подглядывай! в этом эксперимент...

Ирун пытается сопротивляться:

— Дурь полная...

— А ты условно. На память. Можно словами описывать — и набросок. Смелее. Какая форма лица у меня?

— Нормальная. Ничего не висит...

— Ну квадратное лицо, какое, круглое? Вспоминай. Треугольное?

— Нет, какое квадратное... Ох же ж ты... В детстве кругленькое было, да. Теперь... скорее овальное?..

— Вот отлично, рисуй. Напиши рядом: “О-вал”... Так. Глаза?

— Бесхитростные! Приходи кто хочешь, бери что хочешь...

— А форма, цвет?

— Серые... Серо-зеленоватые. Кругло... Не совсем, нет. Кругловатенькие...

— Умница-молодец. Так и пиши. И рисуй.

Кругловатенькие, это правда, увы. И ресницы короткие. Чтобы в детском саду играть новогоднего зайчика, маленькой Наде не требовался костюм. С годами эта комичная лупоглазость уменьши-

лась — но не исчезла. Надя всегда кажется чуть удивлённой, как будто говорит: “О!” Или: “Ой”. А уж когда она действительно удивляется или пугается, то всем смешно.

Надя с возрастом научилась использовать это свойство собственной внешности: иногда очень удобно быть беззащитной, забавной... Но в юности каждый взгляд в зеркало её бесил — или повергал во мрак.

Одно время, лет десять назад, она немножко играла на ханге. Это выпуклая штуковина из тонкой стали: круг, симметричные лунки, точь-в-точь летающая тарелка. На ней (на нём) играют медитативную музыку. Самозабвение — в частности, девичье — может выглядеть очень волнующе; Надя — даже когда она закрывала глаза — смотрелось комично. Вместо того, чтобы прокачивать чакры, слушатели перемигивались и хихикали. Надя бросила ханг.

Она искренне не считала себя особенной: ни красивой, ни очень умной или какой-то глубокой. Но не покидало Надю тихое ощущение, что в осязаемом мире чего-то недостаёт.

В детстве воображала, что обернёшься резко — а сзади ничего нет. Или все вокруг превратились в гусениц-многоножек. Или в геометрические фигуры. В шары?.. Что родители ненастоящие...

Опять же: с возрастом притупилось, но не прошло. Кругом (так получилось, что Надя работала

в МФЦ) люди всё время думали и говорили про ерунду, невозможно было поверить, что они это всерьёз: казалось, что притворяются, а на самом деле...

А вот что на самом деле, Надя не знала. Было, пожалуй, одно воспоминание — тоже из юности, незадолго до хангов...

До девятнадцати лет Надя была прилежной домашней девочкой. Ни разу не ночевала вне дома без маминого разрешения. Но в середине второго курса, зимой, вырвалась (со скандалом) на дачу к одной знакомой из института.

На даче как таковой ничего криминального не случилось — но Надя там познакомилась с будущим отцом Ани, Хотько. То есть мама в итоге всё-таки оказалась права...

Пили водку (Надя — совсем чуть-чуть), хозяйка дачи уединилась в комнате с молодым человеком, а дача была небольшая и стены тонкие.

Надя и два других гостя, Хотько и ещё один, полузабытый, пошли гулять в холод и темноту. Бродили-бродили и обнаружили совершенно замёрзший пруд.

Юные идиоты вышли на лёд и дошли до середины пруда. Лёд выглядел прочным, но иногда попадались тёмные лунки, почти как в будущих хангах. Если встать недалеко от лунки и покачаться, то из-под льда выплёскивалась вода, небольшой чёрный купол...

Никто, как ни странно, не провалился, все выжили. Родилась Анька.

С той поездки на дачу прошло десять лет.

Но в некоем смысле Надя так и продолжала блуждать по ледяному пруду, чувствуя, что внизу — во всяком случае, рядом — есть что-то другое: быть может, опасное, но другое...

Ирун тем временем нарисовала кружочки с палочками-ресничками и подписала: “кругленькие”.

Кое-как изобразила рот (“бантичком”), нос (“трамплинчиком”).

— Теперь главное! — говорит Надя торжественно. — Уши.

— Что уши?

— Какие у меня уши?

— Хрен знает... Уши.

— Тогда ответь мне: у Глебки уши какие?

— Мягкие... Были в детстве. Тёпленькие.

— А по форме?

Здесь нужно отметить, что обе, Ирун и Надя, — так называемые матери-одиночки. Надя родила в двадцать, Ирун на год раньше, и для обеих ребёнок — центр мира. Разница только в том, что Надя с Анькой подружки, а Ирун всё время пытается своего Глеба строить — и в то же время как будто немного боится.

— Да что пристала!.. — Ирун сама удивляется, что чего-то не знает про Глеба, и ей слегка неприятно.

— Сиди на месте. Вот я тебе говорю: За, Кол, До, Ва, Но.

Надя делает перед глазами ладонью туда-сюда.

— Что?

— Уши, уши. Мы видим их — но картинка не сохраняется.

Ирун смотрит на Надю с недоумением. Обычно Надя лишнего не говорит. Первую скрипку играет Ирун, Надя слушает и кивает. Что с ней произошло? Щёки розовые — и уши, кстати, тоже. Глаза кругленькие блестят:

— Ну вот тебе не странно самой? ты родного сына уши не помнишь. Ты видишь их каждый день!

— Что я не помню опять?

— Форму, форму. Вот нарисуй — вообще ухо.

— В смысле?

— Любое. Вообще. Человеческое.

— Ох, не знаю... кружочек...

— Так, это завиток.

— Дырочка...

— Слуховой проход. Чаша.

— ...всё.

— Ха-ха, всё. Это, наверное, у медведей такие уши. А у людей...

Надя вытаскивает из рюкзака допотопный лэптоп. Крышка при открывании громко скрипит.

— Отвалится, — предупреждает Ирун.

Включаясь, лэптоп угрожающе взжужживает и ещё полминуты жужжит и трясётся, потом стихает.

Надя листает уши. По большей части рисунки, но попадаются и фотографии, и гравюры — старинные, чёрно-белые, с надписями на латыни, — и схемы, где уши истыканы тонкими стрелочками, как иголками. Изображений сотни.

— Хрена себе. Это откуда такое?

— Из интернета, откуда же... Анечку уложу — и полночи...

Сколько Ирун помнит Надю, та в девять вечера начинает зевать. Какие ещё “полночи”? Очевидно, что Надя без памяти влюблена — и это как раз хорошо, давно пора (хотя могла бы, зараза, подробнее поделиться с лучшей подругой), — но при чём тут картинки из интернета? Бред. Ирун смотрит на Надю уже не с удивлением, а с испугом. Надя не замечает. Тасует картинки, не может остановиться: каждая хороша, и каждая не совершенна...

Кликает антикварную чёрно-белую схему: пунктирная гравировка, точки напоминают ей пиксели. Наде хочется прикоснуться к экрану — как в санатории “Соловей”, проскользить по узкому жёлобу, по ладьевидной ямке, *scarpha*...

Каждый из этих, казалось бы, равнодушных латинских терминов вызывает у Нади сильные чувства. *Scarpha* — радость и облегчение. *Crura antihelicis* — наоборот, тревогу, особенно *crura antihelicis inferior*, у Нади прямо-таки сжимается в животе...

Ей приходится сделать усилие над собой, чтобы вернуться на Иркину кухню.